

Айзель предпринял все возможные попытки обнаружить ману. Он медитировал с очищенным разумом снова и снова. Затем он попробовал заняться йогой, чтобы убедиться, что это поможет, но все равно не смог воспринять ману.

Он разволновался и расстроился.

"К черту". Айзель вздохнул и открыл глаза, гадая, не соврал ли ему старик.

"Нет, ему незачем мне врать". Айзель задумался. "Даже если он стоит на пороге смерти, у него нет причин лгать мне. Не хочу признавать, но, похоже, я такой же обычный человек, как и он". Айзель в изнеможении рухнул на землю.

"Уже сдался, парень?" спросил Генри.

"Я не уверен, но, кажется, я не могу чувствовать ману", - ответил Айзель Генри, пытаясь вспомнить какие-нибудь хорошие воспоминания из своей жизни, если они у него были.

"Я давно уже отказался от своей жизни". Айзель заговорила низким голосом. "В моей жизни есть только одиночество, боль и страдания".

"Полагаю, что умереть здесь, высосанный этой женщиной, не такой уж плохой конец".

"Что ты, мать твою, сказал?" Генри встал из-за угла и поднял Айзель за воротник, чтобы сердито посмотреть прямо ему в глаза.

"Только одиночество, боль и страдания? Это и есть твоя причина отказаться от жизни?" Голос Генри внезапно стал громким; он был недоволен ответом Айзель.

"Какого хера ты на меня кричишь? Чем ты занят, гниешь в камере; очевидно, ты тоже махнул на жизнь рукой. Правильно?" Айзель тоже немного повысил голос.

"Какие страдания, какая боль в голове, какое одиночество описывают меня?" спросил Генри с серьезным выражением лица. Айзель не верил своим глазам. Неужели старик сошел с ума?

"Я потерял все воспоминания, я даже не знаю, кем были мои родители до того, как я потерял память". Айзель на миг замолчал, чтобы увидеть лицо Генри, но его лицо осталось невыразительным.

"В юности надо мной издевались. Они..." При одной только мысли о школьных воспоминаниях он начал потеть, что заставило его занервничать. "Я... я всегда был изгоем, никто не хотел быть рядом со мной или дружить со мной. Я был замкнутым человеком, который всегда с головой уходил в новеллы и мангу".

Генрих терпеливо слушал, не меняя выражения лица.

"Я всю жизнь живу в унынии, и каждый раз, когда я возвращаюсь к своим старым воспоминаниям, в моем сознании возникает боль, как будто в меня одновременно вонзается бесчисленные иголки". Айзель вздыхал, пересказывая все старику.

Генрих убрал руку с его воротника и спросил его: "Как ты можешь помнить все это, если ты сказал мне, что потерял память?"

"Кое-что я еще помню", - ответил Айзель, поправляя воротник.

"И это все? Это и есть твоя гребаная причина?" Генри вдруг громко засмеялся.

Айзель уставился на него широко раскрытыми глазами, думая, не свихнулся ли этот старик.

"И ты называешь себя мужчиной. Скажи мне, ты настоящий мужчина?" спросил старик, глядя ему прямо в глаза. "Ты вообще чего-нибудь добился в своей жизни?"

"Или ты просто плачешься о своих трудностях в жизни?" Айзель уставился на него в недоумении, и хотя он был зол на него, он не мог ничего ответить. В каком-то смысле старик был прав.

Он ничего не добился в своей жизни и, кажется, просто выплакивал перед доктором Шелли свои проблемы.

"Моя дочь родилась слепой". Лицо старика разгладилось, и он снова сел в угол.

"Ее мать умерла, когда рожала ее".

"Я растил свою дочь один. Над ней всю жизнь издевались и причиняли боль, но она никогда не плакала и не пыталась расстаться с жизнью". Айзель терпеливо слушал старика.

"Всю свою жизнь она неустанно вставала и двигалась вперед. Наконец, в возрасте десяти лет она начала чувствовать ману и начала учиться ее использовать. Через несколько месяцев она смогла использовать ману". Старик вспомнил, как обрадовалась дочь, когда впервые показала ему свое достижение.

"Время пролетело незаметно, но спустя шесть лет в нашей деревне проходил праздник. Когда на праздник в нашу деревню приехал юноша из соседнего города, он подружился с моей дочерью и даже помогал ей во всем, кроме ночи праздника". Голос старика стал тяжелым, а лицо потемнело.

"Этот подонок подмешал ей какое-то зелье и... насильничал ее снова и снова. Но и этого ему показалось мало, и он до утра избивал ее плетью".

"На следующий день дочь вернулась ко мне с мертвым выражением лица. Когда я спросил ее, что случилось, она разрыдалась. Это был первый раз, когда я видел, чтобы моя дочь плакала. Она рассказала мне обо всем, что с ней произошло".

"Ночью я пришел в хижину того урода и перерезал ему горло вот этим кинжалом". Старик достал из рукава мешковины маленький кинжал и показал его Айзелю.

Айзель осмотрел кинжал. Он был длиной около 20 сантиметров с прямым заостренным черным лезвием.

"Моя дочь тогда забеременела. Я умолял ее отказаться от ребенка, но она не согласилась. Она родила мне внучку, похожую на отца. Несмотря на все это, я по-прежнему любил свою дочь и хотел участвовать в жизни внучки".

"Она благополучно вырастила дочь и продолжила жить дальше. После этого я перевез ее в город Честер, где она сейчас живет со своей дочерью. Это самая сильная женщина, которую я когда-либо видел в своей жизни". При мысли о дочери лицо старика просветлело.

"Поэтому и ты не должен так легко сдаваться. Если она смогла это сделать, то я уверен, что и

ты сможешь". Старик посмотрел на Айзель.

"Мне жаль. Я должен поучиться у вашей дочери". Айзель ответила Генри, думая о том, что и у него может быть такая же сильная воля, как у дочери старика.

<http://tl.rulate.ru/book/93238/3111116>